

ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ НОМИНАТИВНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Швачко С. А., Украина, г. Сумы,

Кобзева Н.А., Россия, г. Томск

В статье рассматривается природа номинативных (НЕ) и коммуникативных (КЕ) единиц английского языка. Внимание фокусируется на явлениях конвергенции и дивергенции, которые интегративно реализуются в коммуникативной функции.

Ключевые слова: английский язык, коммуникативные единицы, номинативные единицы, эпидигматика, структурно-семантические тенденции, дивергенция, конвергенция.

ЕПІДИГМАТИЧНІ ТЕНДЕНЦІЇ НОМІНАТИВНИХ ТА КОМУНІКАТИВНИХ ОДИНИЦЬ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

У статті досліджується природа номінативних (НО) та комунікативних одиниць (КО) англійської мови. Увага фокусується на явищах конвергенції та дивергенції, які інтегративно реалізуються у комунікативній функції.

Ключові слова: англійська мова, комунікативні одиниці, номінативні одиниці, епідигматика, структурно-семантичні тенденції, дивергенція, конвергенція.

EPIDIGMATIC TENDENCIES OF THE ENGLISH NOMINATIVE AND COMMUNICATIVE UNITS

The article in question deals with the nature of nominative and communicative units (NU :: CU) of the English language. Attention is being focused upon the fact that in spite of their (NU :: CU) convergence and divergence they perform intergratively the great mission of communication.

Key words: native units, communicative units, English, structural and semantic, convergence, divergence.

Постановка проблемы. Не бывает коммуникативных единиц (КЕ) без номинативных (НЕ). НЕ (слова и словосочетания) оживают в КЕ (высказываниях и текстах). В научной картине мира НЕ и КЕ (**объект исследования**) отмечены полиаспектностью и полифункциональностью как такие, которым присущи общие и отличительные черты (**предмет исследования**). **Актуальность** темы объективируется модификацией современной научной парадигмы, возросшим интересом лингвистов к модусам Язык – Речь – Речевая деятельность. Осмысление природы НЕ и КЕ способствует осмыслению законов динамизма, антропоцентризма, адаптивности и креативности. Слова и словосочетания принадлежат языку, тексты – речи (за исключением пословиц, поговорок и других воспроизводимых единиц). НЕ и КЕ, как семиотическим знакам, присущ симбиоз семантики, прагматики и синтактики, поверхностных и глубинных структур, процессов компрессии и пролонгации. Слова и словосочетания компрессируются и пролонгируются по языковым паттернам (сокращения, аббревиации и словосложения). Ср. англ.: *happy* → *happily*, *one* → *only*, *emotion* → *emote*, *competition* → *compete*, *master* → *Mr.*, *possible* → *impossible*, *quite* → *q.t.*, *also* → *as* [4].

Модификация текстов прослеживается в его формах представленности: Заглавие, аннотация, пересказ, в феноменах афоризма, аллегии, интертекстуальности. Процессы лексикализации и грамматикализации языковых единиц свидетельствуют о действенной силе создания новых слов и формантов. Так, английская лексема *ten* превратилась в суффикс *-teen* (*thirteen*, *fourteen*), который стал исходной единицей для лексических дериваций *teeners*, *teeny*, *in her teens*. Модификациям подвержены поверхностные и глубинные структуры слов, словосочетаний и текстов. Ср. русс.: *Идут за измами измы* (В. Маяковский). Показательно релевантным здесь является феномен терминов («слуг двух господ»): производные от единиц наивной картины мира димензиональные слова типа англ. *foot*, *ell*, *span* включаются в процесс семантической эпидигматики. Подобное явление

наблюдается и в кластерах полисемии, собственных имен. Ср. англ.: *The White House, green envy, green house*. В текстах иронического наполнения переосмысление (семантический сдвиг) основывается на игре слов, модификации исходных ситуаций. В стихотворении *No enemies* заглавие контрастирует со следующими фразами, которые имплицитно авторское отношение к двуличным людям (*yes people*). Ср. англ.:

You have no enemies, you say?
Alas, my friend, your boast is poor,
He who has mingled in the fray of duty,
That the brave endure,
Must have made foes! (Mackay).

Модификация глобальных структур является действенной как в НЕ, так и в КЕ. Так выражение *Veni, vidi, vici* в переводе представлено неожиданным вариантом русс. *Пришел, увидел, помолчи*. Замена последнего слова неэквивалентной семой придает изречению несерьезный, юмористический характер. Этот механизм срабатывает также при расширении и сворачивании исходных НЕ и КЕ, при использовании дополнительных элементов. Ср. англ.: *Not tide, but very tide*; русс. *Не чистый, а очень чистый*. Интенсификаторами этого процесса выступают слова негации в условиях НЕ и КЕ. Ср. англ.: *All day round service but now; a friend in need is not a friend in deed*. Здесь десемантизация исходного предложения верифицируется негативной лексемой *not*. Процесс негации предполагает использование как локального, так и общего отрицания. Ср. англ.: *I have lived there not five years :: I have not lived there*.

Отрицание (кого-то, чего-то) каузируется наличием (кого-то, чего-то) вербализируемого отрицательного маркера. Ср.: русс. *никто, ничто, нигде, никуда*; англ. *none, nowhere, nothing, nooner*. В предложениях отрицание при предикате превращает смысл исходного предложения в свою противоположность. Ср. англ.: *I love not man the less but nature more; I have lived here five years but now; I am not unwell*. Несколько отрицаний типа укр. *Я*

не недужаю нівроку выражают положительный эффект. Затруднительными для понимания являются фразы типа русс. *Да нет, нет да*. Явление энантиосемии коррелирует со скрытой негацией семантическим сдвигом, полисемией, модификацией в модусе языка, требующей особой конситуации в модусе речи. В диахронической памяти имеют место денотативные и коннотативные сдвиги, когда исходные параметры меняются путем отрицания в дериватах того, что было до них в исходных формах. Сема отрицания актуализируется словами и предложениями, но это универсальное правило действует по разным принципам локальности и всеобщности. Отрицательные элементы – частицы, местоимения и аффиксы при НЕ и частицы, местоимения при КЕ актуализируют семантический антипод исходных единиц. Извлечь, убрать их из производных – значит лишить дериваты прагматически вербализованных интенций адресанта. НЕ, семантизирующие феномен отсутствия, негации, пропуская, ассоциируют с явлениями пустоты, лакуарности, отрешенности от реального мира, эффекта «Чего-то нет» на фоне того, что имеет место в действительности, в фоновых знаниях коммуникантов, ирреальности, вымысленности. Отсутствующие денотаты экстериоризируются, имплицитируются, предполагаются, оязыковываются монолексемно и полилексемно.

Модификации подвергаются НЕ и КЕ в условиях наличия отрицательных слов или без них, в процессах трансформации предложений в слова и наоборот типа англ. *Don't touch me!* → *Don't-touch-me look*; *Give me my money back or I'll kill you!* → *Give-me-my-money-back-or- I'll- kill- you expression*; *People come and go* → *come-and-go people*; *Good bye* → *God be with you*; *SOS* → *Save our souls*.

Общей для НЕ и КЕ является модификация слов, детерминируемая ближним окружением: *small beer* – свежее пиво, *small change* – мелкие деньги, *small comfort* – небольшой комфорт, *small deer* – молодое поколение, *small hours* – утренние часы, *small aleck* – самоуверенный проходимец. При этом несинонимичность грамматических паттернов объективируется

семантикой лексических соседних денотатов. Ср. англ.: *He paused to drink* :: *He paused drinking* [1].

Модификация НЕ и КЕ происходит в условиях бивекторности линейных и нелинейных парадигм на разных языковых уровнях. Общность НЕ и КЕ заключается в силе их синергетизма, в феномене самоорганизации, самостановления и самоконтроля (в наличии информации, материала и энергии), действующих в модусах Языка – Речи – Речевой деятельности. Актуальность исследования дихотомии *слово::малые тексты* определяется здесь не объемом объектов, а их значимостью для разрешения поставленных проблем на материале не совсем серьезных текстов.

Тексты, как и номинативные единицы, подвергаются процессам сокращения и пролонгации. Появляются сериалы, комментарии, текст-домыслы. Как и слова, малые тексты (пословицы, изречения, рифмовки, загадки) относятся к готовым воспроизводимым единицам. Изменяемость и производность НЕ и КЕ каузируют появление вторичных образований, которые подвержены семантическим сдвигам: от серьезного к несерьезному, от буквального к фигуральному, от практического к непрактическому, от очевидного к мистическому, от торжественного к юмористическому. Производность на уровне формальных модификаций прослеживается в корреляции притч и пословиц. Ср. англ.: *Any would not work, neither should he eat (Bible)* → *He who doesn't work, neither shall he eat; A prophet is not without honor, save in his own country, and in his own house (Bible)* → *There is no prophet in the native country*. Пословицы приобретают второе авторское дыхание. Ср. англ.: *Two is company three is none* → *Three is company two is none; A wolf in sheep's clothing* → *A sheep in sheep's clothing (Goose); A devil is not so black as it is painted* → *Most women are not so young as they are painted (Beerholm)*. В новых вторичных текстах весомой является замена лексических единиц на векторе серьезное → несерьезное, правдивое → искаженное. В секундарных текстах авторы прибегают к процессам сокращения, пролонгации и гиперсемантизации. Появлению новых

«сентенций» предшествуют творческие поиски, авторские интенции поделиться с партнерами интеллектуальной находкой, повлиять на их поведение. Временные и пространственные параметры авторских юмористических изречений (АЮИ) носят характер панхротоба, стяжения. Абсолютный антропоцентризм АЮИ проявляется в наличии и взаимодействии коммуникантов. Рассуждения АЮИ представляют собой алогичное, нестандартное, неожиданное развитие авторской мысли. Ср. англ.: *When a man teaches something he doesn't know himself to somebody else who has no aptitude for it, and gives him a certificate of proficiency, the latter has completed the education of a gentleman* (A. W. Shaw).

Неоднозначная представленность новой рече-мысли, ее дистанцирование от исходного материала объективирует появление новых модифицированных конструкций, полных контрастов и неожиданностей. Ср. англ.: *You will never write a good book until you have written some bad ones* (B. Shaw); *The only way to get rid of temptation is to yield to it* (O. Wilde); *A dentist at his work in vocation always looks down in the mouth* (Prentice).

Игра мыслью, предыдущим опытом, устоявшимися традициями материализуют нетривиальные суждения и новации, юмористический эффект.

Среди текстов малого жанра особое место занимают максимы, изречения выдающихся людей, в которых в сжатой форме реципиенту предлагается особое видение окружающего мира. К текстам малого жанра относятся афоризмы, парадоксы, басни, грегории. Грегерии – интересные, остроумные изречения. Ср. метазнаки *красное словцо*, *штришок*. Термин *грегерии* ввел в лингвистику Р. Гомес, который, по его замечанию [3], близок японскому хокку (зарисовка с натуры в прозе). К грегориям относятся изречения типа «Плоды раздумья» К. Прудкова. Ср. русс.:

Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?

Эгоист подобен давно сидящему в колоде.

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.

Вакса чернит с пользой, а злой человек – с удовольствием [3].

Р. Гомес к грегориям относит остроумные определения с обыденной, будничной тематикой (см. факты народной этимологии). Ср. русс.:

Жирафа – лошадь, преображенная любопытством.

Авторучки непослушны, как дети, – то не могут, то не хотят писать.

В потемках стулья так и норовят подставить хозяевам ножку.

Так и кажется, что у лебедя под крылом тетрадь со стихами.

Бензин – ладан цивилизации.

Бархат тишины [3].

АЮИ «не уживаются» с традицией, они глубоко индивидуальны, рассчитаны на ошеломляющий эффект изоощренных противоестественных мыслей.

Принципы кооперации по Грайсу частично срабатывают в АЮИ: действенными остаются принципы информативности и релевантности, максимы правды и манеры (ясности) носят условный характер [2]. Нарушение постулатов ученого обуславливается коммуникативно-прагматическими установками автора и, следовательно, средствами их вербализации.

Малые тексты – это не только доноры творческого шарма, это не только эхо прошлого, это энигматическое явление, это объект научного изыскания, это поиск скрытых имманентных тенденций Языка – Речи – Речевой деятельности. Тексты малой формы не ограничены их объемной параметризацией. Это – не лилипуты, а стартовые площадки для несерьезного, комического и неканонизированного. Среди метазнаков обособляются термины *малый жанр, малая форма, малая проза. Малая форма* ассоциирует с нехудожественными текстами. Ср.: задачи, объявления, инструкции и др. *Малый жанр* ассоциирует с художественным дискурсом. Объем малой прозы дискутировался в России в 1999 году. На фестивале был

определен список текстов (афоризмы, паремии, лилипуты, тексты детской литературы). Объем текстов предусматривал до 2000 знаков.

Гетерогенность текстов является очевидной, прозрачной в их атрибутах: *информативный/неинформативный текст, логичный/нелогичный устный/письменный, серьезный/несерьезный, практический/непрактический, вербальный/невербальный, эмоциональный/неэмоциональный, большой/малый* и др. [2]. Любой текст – это элемент культуры («Что думаем и делаем»), результат канонизированной традиции, который коррелирует с игрой (по содержанию) и с ритуалом (по форме). В малом жанре актуализируются диады *данное::новое, известное::неизвестное, типичное::нетипичное, тривиальное::нетривиальное, важное::неважное*. В нетипичных исследуемых текстах форма превалирует над содержанием. Их десемантизация, семантическая автономность по убыванию представлена в последовательности: афоризмы, пословицы, загадки, лимерики, скороговорки. Этим текстам не присущи фабульность, образность, ригористичность, идейность. Загадки – также тексты малой формы. Они валоративны для процессов верификации формальных и содержательных структур, модификации исходных позиций и вторичного конструирования гетерогенных тематических блоков, полифункциональности, находчивости, развлечения, оценки мудрости, зрелости, жизненного опыта, регулирования когнитивного процесса, атрибута социализации человека. Эти черты актуализируются также в играх *Quiz* Что? Где? Когда? Специфика загадок состоит в реверсии блоков темы (искомой величины) и ремы (отмеченной величины).

Выводы. Полифункциональность языка не вызывает сомнения. Среди 27 функций языка лингвокреативная функция занимает доминирующее место, ассоциируя с одноименным мышлением. Используется в процессах генерации новых идей, аксиологических оценок. Исследование природы лингвокреативной функции на гетерогенных текстах представляет

значительный интерес для перспективного исследования лингвистической научной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохіна Т. О. Семантизація категорії мовчання в англомовному художньому дискурсі / Т. О. Анохіна // Монографія. – Вінниця : Видавництво “Нова Книга”, 2008. – 160 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – Вып. 16. – 316 с.
3. Кобякова І. К. Креативне конструювання вторинних утворень в англомовному дискурсі / І. К. Кобякова // Монографія. – Вінниця : Нова книга, 2007. – 128 с.
4. Швачко С. О. Вступ до мовознавства (курс лекцій) / С. О. Швачко, І. К. Кобякова // Посібник. – Вінниця : НОВА КНИГА, 2006. – 224 с.

Швачко, С.А. Эпидигматические тенденции номинативных и коммуникативных единиц английского языка [Текст] / С.А. Швачко, Н.А. Кобзева // Scientific Studies - XXI(culture, education - anthropocentric paradigms and the modern world. Philosophy. Phylology. Pedagogics. Economics.- К.: Millenium, 2013. - Issue 2, A.- XVIII. - 434 p.- P.298-305